

УДК 301
ББК 60.55
К 63

К 63 **Комбаров В.Ю.** Трансотчуждение как социологический феномен современности. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 212 с.

ISBN 978-5-89665-254-0

Рецензенты:

д.с.н., профессор Калугина З.И.
д.с.н., профессор Мостовая Е.Б.
д.э.н., профессор Унтура Г.А.

Научный редактор:

д.с.н., Корель Л.В.

Монография является результатом исследовательского проекта, направленного на разработку и верификацию авторской концепции трансотчуждения, которая базируется на гипотезе о том, что современное отчуждение является гибридным вариантом – формой одновременного присутствия в современном обществе (в частности российском) как старых (советских), так и новых (западных) видов отчуждения. Теоретико-методологической основой для формирования концепта «трансотчуждения» послужили наработки таких мэтров социологической мысли как Жан Бодрийяр, Карл Маркс, Жорж Батай, Николай Лапин, Георг Зиммель, Зигмунд Бауман и другие. На материалах конкретного эмпирического социологического обследования, а так же на основании анализа вторичных данных выявлены различные виды отчуждения в традиционной для этого феномена сфере труда, а также в социальном контексте в целом (от управления, власти, самореализации, потребностей; от духовности, реальности), а также его современная форма – трансотчуждение. Показаны пять различных типов (социологических портретов) респондентов, отличающиеся по форме и видам современного отчуждения.

Книга будет интересна специалистам в области социологии, экономики, философии, психологии, калтурологии, а также всем тем, кто неравнодушен к проблемам современного общества и ситуации человека в нём.

УДК 301
ББК 60.55
К 63

ISBN 978-5-89665-254-0

© Комбаров В.Ю., 2013
© ИЭОПП СО РАН, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Научная актуальность исследования отчуждения вызвана недостаточной изученностью проявлений этого процесса в контексте современной российской социальной реальности. Российское общество по-прежнему пребывает в процессе транзycji, включено в глобализационные процессы, что также обуславливает актуальность изучения отчуждения ввиду появления его новых видов и форм.

Фундаментальная научная мегaproблема, в рамках которой осуществляется работа – «человек отчужденный», т. е. не встроенный (не вполне встроенный), не включенный (не достаточно включенный) в различные уровни современной социальной реальности, в системы жизненных миров, социальных отношений, институтов, культур, связей. Данная проблема имеет множество направлений, проекций и дискурсов в философии, социологии, психологии и экономике. Однако, несмотря на этот факт, всё еще остаётся в ряду малоизученных. Конкретная же *социальная проблема*, изучаемая в данном исследовании, может быть сформулирована в терминах разрыва, несоответствия, расхождения между 1) необходимостью мобилизации креативного, созидающего трудового потенциала всех общественных групп для исторического прорыва России в будущее, детерминируемое глобализационными вызовами, и 2) массовизацией отчуждения человека в системе трудовых отношений (от собственности, от продуктов и процесса труда, от возможности самореализации в трудовом процессе, от управления, от информации, от знаний, от инноваций, от распределения доходов, от власти и пр.), что ведет к растратам человеческих ресурсов и выступает мощным тормозом модернизационных преобразований на российских промышленных предприятиях. Последнее обстоятельство актуализирует высокую актуальность темы данного исследования.

Отчуждение как целенаправленный объект изучения отечественных социологов является «близнецом» по рождению современной России и российской социологии, так как обретает свою легитимность в трудах и дискуссиях российских обществоведов именно в период заката Советского Союза¹. Надежды на успешное развитие российского общества тогда во многом связывались с преодолением отчуждения людей и общества в целом от развития, власти, от управления, безопасности, от

¹ Как таковой научный дискурс отчуждения в отечественной социологии берет свое начало в конце 1980-х годов и сосредоточен вокруг проблемы отчуждения при социализме. В СССР проблема отчуждения рассматривалась философией лишь с позиций критики капитализма, а критика советского общества через призму понятия «отчуждение» была табуирована по идеологическим причинам.

удовлетворения потребностей. Иными словами, предполагалось сократить дистанцию, разрыв, отчуждение между институтами экономики, политики, власти, СМИ, права и человеком, обществом. Отчуждение исследователями того времени связывалось с полной дисфункциональностью вышеперечисленных институций советского общества, с направленностью их против граждан, против их воли и потребностей.

Сегодня, спустя почти четверть века, в момент осуществления «новой» волны модернизации российского общества, актуальной является попытка оценки того, насколько успешными или безуспешными оказались предыдущие реформы через призму концепций отчуждения, и насколько перспективными выглядят современные преобразования; по-прежнему ли современный россиянин (тружник в контексте исследования) отчужден и чем современное отчуждение отличается от того, о котором писали зачинатели отечественного социологического дискурса отчуждения. Иными словами, в рамках данного исследования предпринимается попытка рассмотрения динамики процессов отчуждения в России, в частности отчуждения ИТР современных российских промышленных предприятий. Особую актуальность изучения данной группы респондентов обуславливает тот факт, что высококвалифицированные, технически и технологически компетентные работники являются и будут являться основным субъектом производства в контексте формирующейся в России и всё более кристаллизирующейся в мире экономике знаний.

Так, социальная динамика современного российского общества предъявляет определенные требования к изучению наукой новых форм и видов отчуждения, механизмов его возникновения. Ведь новые формы социального устройства порождают и новые виды отчуждения, которые смешиваясь с прежними видами отчуждения, образуют новую гибридную форму отчуждения – *трансотчуждение*. Так, в качестве новых катализаторов, а в ряде случаев и ингибиторов отчуждения, выступают такие социальные явления, как перманентное условие модернизации, формирование гиперреальности, общества потребления, стремительное развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий, медиатизация корпоративной культуры предприятий.

Исследование современной формы и видов отчуждения, представленное в данной монографии, основывается на моей гипотезе о том, что отчуждение сегодня по своей природе и форме является *трансотчуждением*. Трансотчуждение есть результат *трансгрессивного* перехода российского общества из советской его формы, в иную – постсоветскую, повлекшего за собой смешение различных видов отчуждения, присущих советскому обществу и обществу западному. Старые виды отчуждения, характерные для советского общества (отчуждение от

управления, от развития, от удовлетворения потребностей, от информации) не были устранены, как ожидалось, в результате реформ (акта *трансгрессии*), а напротив, были усилены новыми, западными видами отчуждения, которые явились результатом внедрения рыночных отношений и формирования общества потребления в России (отчуждение от духовности), медиатизации социального тела и формирования гиперреальности (отчуждение от реальности и социальности). *Мутация, в частности, старых, советских видов отчуждения при усиленном метастазировании в них новых, западных видов отчуждения, привела к формированию гибридной формы отчуждения – трансотчуждения.*

Центральными в монографии являются понятия «отчуждение» и «трансотчуждение»:

1) **Отчуждение** – процесс, в границах которого происходит превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их (Социология: Энциклопедия, 2003); также отчуждение – это отношения между социальным субъектом и какой-либо его социальной функцией, складывающиеся в результате разрыва их изначального единства, ведущего к обеднению природы субъекта и изменению (извращению, перерождению) природы отчужденной функции (Социологический словарь). Данные определения в полной мере характеризуют процессы отчуждения, которые рассматриваются с позиций институционального подхода, структурализма, структурного функционализма, марксизма, неомарксизма, а также постмодернизма.

Западные словари добавляют к определению отчуждения такие характеристики, как: состояния замкнутости и изоляции от объективного мира, которые проявляются через равнодушие и неприязнь; также отчуждение в них трактуется как отчуждение между различными сторонами личности (Dictionary.com). Данное понимание отчуждения скорее свойственно психоанализу, а также феноменологической и интеракционистской традиции в социологии.

В данной исследовательской работе в ходе анализа современных видов и форм отчуждения, я придерживаюсь всей палитры выше представленных определений отчуждения. Например, в случаях с отчуждением от власти, от управления, от развития, от профессиональной самореализации, от принятия политических решений мы имеем дело с отчуждением, которое есть результат отчуждения от человека его деятельности (политической, трудовой, творческой и т.д.) и её результатов (заработная плата, профессиональная самореализация, влияние на политические процессы) – в этом случае я рассматриваю отчуждение в структуре институциональных процессов, в системе взаимодействия

структурных элементов (актора и среды, человека и общества, агента и институций). А в случаях с отчуждением от различных уровней реальности, от всего космоса в целом, от окружающих людей, самоотчуждением как отчуждением человека от себя самого, я имею возможность говорить, в большей степени, о внутренних измерениях отчуждения, которые проявляются через чувства одиночества, неприязни, отвращения. Стоит отметить, что, как правило, внутренние и внешние проявления процесса отчуждения одновременно присутствуют в каждом отдельно взятом случае отчуждения: с одной стороны исследователи имеют возможность видеть рассогласованность во взаимодействии институтов и агентов, структурную рассогласованность элементов, которой движет логика нехватки; с другой стороны, имеют место быть и субъективно-переживаемые акторами последствия этой несогласованности, структурной лакуны;

2) **Трансотчуждение** – форма отчуждения, совмещающая в себе как старые, еще не исчезнувшие с исторической сцены виды отчуждения, так и новые, нарождающиеся в ходе транзитивных процессов. Применительно к России последних двух десятилетий можно говорить о трансотчуждении как гибридизации укорененных в социальной ткани просоветских и привнесенных извне западных моделей отчуждения, соответствующих обществам с развитой рыночной системой и демократией.

Теоретико-методологической основой монографии являются ставшие уже «классическими», теории отчуждения. Это, во-первых, теоретические наработки в области изучения феномена отчуждения в классическом общественном знании: Ж.-Ж. Руссо, Ф. Гегель, Т. Гоббс, М. Гесс, К. Маркс. Эти исследователи заложили основу понимания отчуждения через такие понятия, как: овеществление (духа, человеческих отношений), отчуждение прав, религиозное отчуждение, отчуждение труда и собственности, фетишизация института денег в системе общественных отношений, конфликт между социальными институтами и индивидом. Сильный акцент в их трудах делается на формировании цивилизации промышленного типа и капиталистического общества.

Во-вторых, это теоретические представления таких грандов научной социологической мысли как М. Вебер, Э. Дюркгейм, З.Фрейд и Г. Зиммель. Для них синонимом отчуждения становится в целом феномен «трагедии культуры» в современном им обществе. Последний проявляется как результат рационализации социальной жизни, бюрократизации общества, конфликта между инстинктами и культурой, между желаниями человека и цивилизационными ограничениями. Делается акцент на феномене урбанизации как ферменте, способствующем проявлению новых видов отчуждения.

В-третьих, я опирался на воззрения современного теоретического и практического научного знания о феномене отчуждения, включая воззрения Франкфуртской школы на природу отчуждения, постмодернистские представления о нем, а также так называемые постсоциальные теории, описывающие природу отчуждения. В данном контексте отчуждение трактуется уже в более многоплановом ключе, заметна сильная пролиферация знания относительно причин, факторов и сущности феномена отчуждения, свой взгляд на эту проблему предлагают сразу несколько парадигм социологического знания. С одной точки зрения, отчуждение здесь связывается со свойствами социальной структуры (Р. Мертон, М. Симен, Ж. Лакан, Н. Лапин, В. Радаев и др.); формированием массового общества и общества потребления (З. Бауман, Э. Фромм, Т. Адорно и др.); с развитием технократической цивилизации, оформлением тоталитарных социальных систем (Х. Арендт, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др.); а также с различными властными практиками (М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Делёз и др.). При этом особое внимание уделяется колоссальному влиянию СМИ, заменой значений на коды и формированию гиперреальности (Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн). Другая точка зрения, представленная сторонниками концепции постсоциальных отношений, являет собой попытку снять проблему отчуждения через формирование концепции «дружбы» между людьми и вещами, включения последних в социологический дискурс на правах полноценных действующих субъектов – актантов (К.К.-Цеттина, Б. Латур и др.).

Стоит отметить, что концепция трансотчуждения явилась результатом использования мной (применительно к проблеме отчуждения) ряда представлений о феномене трансгрессии Ж. Батая, Р. Кайуа, Ж. Бодрийяра и других. Трансгрессия – достижение субъектом внешней позиции по отношению к чему-либо в процессе пересечения границ и выхода за пределы, по ту сторону явлений, состояний или объектов, которые, в свою очередь, также являются внешними, чуждыми субъекту и не способствуют проявлению его истинной сущности (Новейший философский словарь, 2003). Трансгрессия – это манифестация свободы. Наиболее полно понятие трансгрессии разработано Жоржем Батаем и понимается как процесс преодоления социальных запретов, традиций, моральных регулятивов в обществе, экономике, религии, философии, эротизме и т.д. Отличительной особенностью процесса трансгрессии является не отмена запретов, а их приостановка, изменение их силы и формы. Трансгрессия как процесс преодоления барьеров, рамок, границ, подчас в сторону желаемого и запретного характеризует переход советского общества в фазу постсоветского, повлекший за собой изменение и появление новых видов отчуждения и его особой формы – трансотчуждения. Определенный запрет на различные проявления потребления,

экономической и политической свободы, сексуальности повлек, в итоге, трансгрессивный переход, который выразился в формировании рынка и общества потребления в России, качественном и количественном изменении СМИ в сторону интертеймента, а также относительном реформировании политической системы. С позиций теории трансгрессии, период преобразований и реформ, которые имели место быть в начале 1990-х годов в России, не привели к столь значительным коренным преобразованиям в отечественном обществе, как это трактуется сторонниками теории трансформации. По моему мнению, произошла скорее некая приостановка различных запретов и ограничений, регулирующих деятельность различных социальных институтов, с последующим восстановлением их функций. Однако трансгрессивные процессы способствовали и проникновению в российскую действительность иных практик и социальных институтов, традиционно ассоциируемых с западным обществом. Признаки отчуждения, привнесенные извне, переформатировали аутентичные формы отчуждения, в результате чего возникла его новая форма – трансотчуждение, характеризующаяся как признаками новых (западных) видов отчуждения, так и признаками, свойственными старым (советским) видам отчуждения.

Для верификации концепта трансотчуждения были использованы данные 2-х социологических обследований, проведенных с моим участием в конце 2009 – начале 2010 гг. в Новосибирске в рамках исследовательского проекта «Промышленное предприятие Сибири в условиях глобального кризиса: социально-экономические трудности и ресурсы обновления» (научный руководитель проекта – д.социол.н. Людмила Васильевна Корель):

1) Данные анкетного опроса «Современный труженик – какой он?» инженерно-технических работников 4-х промышленных предприятий оборонно-промышленного комплекса (объем выборочной совокупности – 305 человек). Средняя численность работников на одном предприятии составила 1350 человек. В качестве респондентов выступили ИТР.

2) Данные экспертного опроса руководителей промышленных предприятий машиностроительного комплекса и др. города Новосибирска (использована методика случайного отбора, разослано 40, возвращены заполненными 21 анкета, число работающих на одном предприятии в среднем составило 1086 человек).

3) Кроме того был осуществлен анализ вторичных данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН.